

Я не ответил, опустив глаза на наши сцепленные руки. «О чём ты говоришь, я и правда не задумывался. Но должен тебя предупредить: я не из тех, кто допускает близость между мужчинами».

Лицо Шэн Дайчуаня исказилось, и он с досадой отпустил мою руку. «А сейчас подумаешь?»

Я увёл разговор в сторону: «Эх, чай-то у вас отменный».

К моему удивлению, Шэн Дайчуань не отступил, а, наоборот, придвинулся и таинственно понизил голос: «Раз уж сам не додумаешь, помогу я. Брат Сяхоу, а не приходило тебе в голову, что покушение на Государя могло быть подставным? Может, он просто хочет обрезать крылья вашей семье Сяхоу и вовсе не собирается отпустить тебя обратно на юг!»

Его слова становились всё торопливее, и к концу я не выдержал — резко вскочил на ноги. «Взд...» — я чуть не выпалил «вздор», но вовремя проглотил слово, заменив на «Дерзость!». Я с недоверием уставился на Шэн Дайчуаня. «Как покушение на Государя может быть фальшивым?»

Взять хотя бы ту ярость, с которой он размахивал мечом... Разве такое сымитируешь? Хотя, с другой стороны, Шэн Дайчуань не знает всех обстоятельств, так что его сомнения объяснимы...

«Эх, да ты только полслова слышишь!» — Шэн Дайчуань устало потер виски. — «Главное-то в конце! Государь, возможно, вовсе не планирует возвращать тебе пост!»

Я моргнул: «Ну и?»

У Шэн Дайчуаня дёрнулся уголок глаза: «И ты не в обиде?»

Я подумал и честно ответил: «В обиде».

В глазах Шэн Дайчуаня вспыхнул зелёный огонёк: «И отомстить не хочешь?»

Я зевнул: «Уже отомстил».

Огонёк погас. Шэн Дайчуань остолбенел: «К-как?»

«Сказал Государю, что раз не пускает на юг, пусть оплачивает все мои расходы в столице».

«...И всё?»

«А что ещё?»

Я что-то не то сказал? Кажется, Шэн Дайчуань выглядит совершенно разбитым. После паузы он тяжело вздохнул и с горьким упрёком произнёс: «Истинно — гнилое дерево не выпрямить!»

Он меня обругал, это я понял. «Шэн Дайчуань, я человек прямой. Говори ясно, без этих намёков».

Он осушил чашку чая, видимо, немного успокоившись. «Знаешь князя Ци?» Князя Ци? Я не только знал, но и видел однажды, так что кивнул.

«Знаешь, как он умер?»

«В бою...» — слово задрожало на губах, и мне внезапно вспомнилась та ночь на пиру в честь

победы, когда Государь, глядя на меня мутными глазами, сказал: «Дядя... зачем ты заставляешь меня... заставляешь убить тебя?»

Я невольно содрогнулся и тихо добавил: «Погиб... в бою».

«Чушь!» — Шэн Дайчуань презрительно скосил на меня глаза. — «Князь Ци не пал в сражении. Его казнили по тайному приказу Государя! Говорят, с поля боя принесли лишь пустой гроб, а самого князя изрубили в фарш и скормили рыбам!»

Я фыркнул. Чем дальше, тем нелепее. Такие подробности — будто он сам видел. Мысленно закатив глаза, я слушал, как Шэн Дайчуань, не обращая на меня внимания, продолжал с негодованием: «А ведь какой был мудрый и благородный человек! И из-за одних лишь подозрений Государя кончил так бесславно, даже тела целого не осталось».

Мудрый? Благородный? Я снова не удержался: «Хватит. Даже для красного словца перегибаешь. Благородный? А я слышал, этот князь раньше запросто из-за какого-нибудь мальчика целые семьи на плаху отправлял!»

Шэн Дайчуань вспыхнул: «Да, в юности он был распутником! Но он исправился! Переродился! И в управлении водами, и в военном деле, и в расследованиях — во всём себя проявил! К тому же, великие люди не мелочам придают значение. Кто в молодости не грешил?»

Подумав, я признал, что в его словах есть доля истины, и снова кивнул. Но его болтовня меня уже раздражала. «Допустим, он погиб не в бою. Но какое тебе до этого дело?»

Шэн Дайчуань сокрушённо покачал головой: «Брат Сяхоу, судя по судьбе князя Ци и твоей собственной, нынешний Государь — самовластный, подозрительный и жестокий тиран. При таком правлении достойные не получают наград, а подлецы избегают кары. Великая Чу в опасности!»

От этих слов у меня перехватило дыхание, и я покраснел.

Вообще-то, о чём говорил Шэн Дайчуань, многие втихомолку думали. Просто не решались озвучить. Как говорится, у каждой семьи свой скелет в шкафу, а у императорской семьи — целый склеп. Всё это — старая, запутанная история, где не разберёшь, кто прав, а кто виноват.

Корни её уходят ко временам деда нынешнего Государя. Говорят, император Шэнвэй, дед Государя, взял в жёны властную женщину. После его кончины трон унаследовал наследный принц, отец нынешнего Государя, император Цинхэ. Императрица, став вдовствующей, терпеть не могла Цинхэ и жаждала посадить на трон своего младшего сына, князя Ци. Не прошло и пары лет, как она довела Цинхэ до могилы.

После смерти Цинхэ трон перешёл к нынешнему Государю. Вдовствующая императрица, став великой вдовствующей императрицей, вместе с сыном князем Ци держала власть в своих руках почти десять лет. Вот в такой, мягко говоря, нездоровой атмосфере и вырос наш Государь.

Если говорить о ранних годах, то князь Ци был настоящим исчадием ада — развратник, транжира и злодей, прикрывавшийся матерью и погубивший немало жизней. Потом, неизвестно по какой причине, он будто переродился, стал почтительным к юному Государю, тогда ещё подростку, и даже ради него пошёл против великой вдовствующей императрицы, став самым близким дядей. Так длилось до тех пор, пока князь Ци не погиб в одном из северных походов, а великая вдовствующая императрица не удалилась в монастырь для уединённых молитв. Лишь после её ухода Государь по-настоящему укрепился на троне.

Конечно, это лишь слухи, которые шепчутся по углам. Что происходило на самом деле, какие грязные тайны скрываются за кулисами — никто не знает и спрашивать не смеет.

И вот теперь Шэн Дайчуань вытащил на свет историю с князем Ци, умершим пять-шесть лет назад, утверждая, что тот был казнён по приказу Государя, и намекая, что Государь, убивший собственного дядю и способный расправиться с верными слугами, — жестокий и беспринципный человек. После той ночи на пиру я и сам был уверен, что князь Ци пал не в честном бою. Но какое это имеет значение?

Во все времена у императоров руки по локоть в крови. Важно лишь одно: хорош ли правитель, твёрда ли его власть, велики ли его свершения. За годы правления нашего Государя, если и не наступил золотой век, то страна хотя бы живёт в мире и порядке. А теперь Шэн Дайчуань тут глаза зажмутив, вещает о тиране-самодуре... Чушь собачья!

Я уже собрался уходить, но Шэн Дайчуань меня остановил. Этот Шэн развалился в кресле с нагловатой ухмылкой. «Братец, я же тебя предупреждал. О нашей встрече в Павильоне Чэньян Государь скоро узнает».

«Он, должно быть, и так догадывается о моих намерениях. Если ты встретился со мной и ушёл невредимым, да ещё и с твоим нынешним недовольным видом... Даже если ты не собираешься переходить на нашу сторону, в глазах Государя мы с тобой уже в одной лодке».

Примечание автора:

Обновление! Шэн Дайчуань считает, что завербовать болвана — задача не из лёгких, и хочет запросить у начальства прибавку к жалованью.

Вот что значит «вынудить к бунту». Многое из сказанного Шэн Дайчуанём о Государе я мог бы оспорить, но в одном он прав на все сто — Государь крайне подозрителен.

Если Государь узнает о нашей встрече наедине, мне и стартов не хватит, чтобы оправдаться.

Я развернулся, с шумом опустился на стул, скрипя зубами, и, надув щёки, отчеканил: «Шэн Дайчуань, ты понимаешь, что творишь? Это — государственная измена!»

<http://bllate.org/book/15934/1423854>